

постмодернизации сознания людей. Полинациональный дискурс цикла романов Хольма ван Зайчика и настраивает на разгерметизацию сознания, толерантность, гармонию национального и инонационального в единой парадигме этнокультурного многообразия.

Литература

1. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело жадного варвара / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2000.
2. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело независимых дервишей / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2001.
3. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело о полку Игореде / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2001.
4. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело победившей обезьяны / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2002.
5. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело лисоборотней / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
6. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело Судьи Ди / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2003.
7. Зайчик, Х. ван Плохих людей нет (Евразийская симфония). Цикл романов: Дело непогашенной луны / Х. ван Зайчик. — СПб.: Азбука-классика, 2005.

Александра Кабылкова (Минск)

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РАССКАЗАХ В. Н. КРУПИНА «ЖЕНЯ КАСАТКИН» И ЛЯН СЯОШЭНА «ЛЕЙКА»

Каждый человек несет ответственность
перед всеми людьми за всех людей и за все.
Ф. М. Достоевский

Человек оценивает собственное поведение, исходя из его соответствия тем нравственным критериям, которые для него являются актуальными. Поступок может удовлетворять этим критериям или не удовлетворять. Думающий человек постоянно ставит себя в рамки моральных принципов, возлагает на себя определенную нравственную ответственность. Ответственность позволяет регулировать собственное поведение, а в случае совершения ошибок — принимать и признавать их.

Проблема ответственности поднимается в рассказах В. Крупина «Женя Касаткин» и Л. Сяошэна «Лейка» и затрагивает такие ключевые понятия нравственности, как совесть, долг, вина, обладает несомненной эстетической значимостью. Казалось бы, что общего может быть у русского писателя-почвенника и китайского писателя, бывшего хунвейбина? Однако именно разница культурных традиций, к которым принадлежат писатели, подчеркивает особую значимость проблемы ответственности в жизни каждого человека.

Небольшой рассказ Крупина «Женя Касаткин» посвящен истории мальчика, страдающего от порока сердца. Женя приезжает в деревню, чтобы хоть немного поправить здоровье. Однако уже в первом абзаце читаем: «Болезнь его была неизлечимой, и он умер от нее на следующий год, в мае» [1, с. 78]. Писатель использует прием И. Бунина, который также уже в начале рассказа говорил о печальном финале истории («Старуха», «Легкое дыхание»). В начале

рассказа читатель узнает о самом страшном, что может случиться, и воспринимает дальнейший текст спокойно, не ожидая чего-то худшего. Отсутствие интриги дает возможность детально описать события, предшествующие трагедии. Читатель знает, к чему ведут события, и обращает особое внимание на знаки и символы предстоящего. Рассказ «Лейка» начинается с описания маленького домика русской постройки, который «когда-то был красив». Картина стареющего домика, звук проливного дождя создают настроение чего-то навсегда исчезающего, невозвратимого. Перспектива активных событий в будущем достаточно смутная, читатель скорее ждет истории прошлого, связанной с этим домом или его жителем. Оба писателя используют ретроспективную композицию. Начало рассказов предполагает возвращение в прошлое и его анализ действующими лицами.

Герой Крупина, вероятно, взрослый мужчина, который вспоминает историю, произошедшую много лет назад, в школьные годы (писатель использует личные местоимения первого лица и глаголы в форме прошедшего времени). Обычный деревенский школьник никогда не встречал людей, страдающих неизлечимой болезнью, у него никогда не было потребности формулировать для себя правила поведения с такими людьми. Определенных рамок для мальчика нет, соответственно рефлексия в данной ситуации отсутствует. Обидная для Жени шутка с надписью на промокашке «Окорок сердца» не воспринимается как повод для размышлений, наоборот, ему «это показалось остроумно, я не заметил его обиды и пустил промокашку по рядам» [1, с. 78]. Однако тот факт, что спустя годы вспоминается именно этот случай, свидетельствует о том, что впоследствии, с приобретением определенного жизненного опыта, для героя этот, незначительный на первый взгляд, случай кажется серьезным поводом для размышлений. Вспоминая детство, нарратор кратко пересказывает этот случай, просто констатирует факт, ему не хочется говорить об истории, в которой он был не прав. Правила поведения в подобной ситуации сложились позже, и чувство личной ответственности за обиду больного мальчика появляется лишь спустя годы. Но в представлении обычного озорного мальчика мир предстает иначе.

История на реке не кажется чем-то особенным, влекущим за собой необратимые последствия: это обычное ребяческое озорство, все дети бегают по воде, колют усачей, дурачатся. Вспоминая эту историю, герой просто передает ряд фактов. Но уже среди этих простых предложений мы встречаем конструкции с глаголами в форме сослагательного наклонения: «растереть бы ноги», «сказать бы матери». Наличие таких форм говорит о последующем анализе героем событий, о сожалении из-за совершенной ошибки, которая в тот момент ошибкой не казалась. Женя Касаткин умирает. Похороны мальчика описываются тем же упрощенным, стилизованным под детский язык. Кажется, что дети воспринимают это событие как одно из череды ярких (позитивных или негативных) событий их жизни. Но в последнем абзаце мы видим, что уже в те далекие годы рассказчик начинает осознавать, какая катастрофа произошла в их жизни. «Кто-то из ребят начинает пинать этот лед. Остальные тоже» [1, с. 80]. Над школьным двором нависает тишина, которая дает возможность каждому задуматься о своей роли в произошедшем. Возможно, именно в этот момент и начинает появляться то чувство

ответственности, которое впоследствии поможет этим ребятам быть более внимательными, чуткими по отношению друг к другу. Не случайно герой возвращается к этой истории, она для него важна как начало новой жизни, в которой он будет нести личную ответственность за происходящее вокруг него.

В рассказе Лян Сяошэна «Лейка» перед читателем возникает образ старого жестянщика, профессионала в своей области, который спустя тридцать с лишним лет вынужден вспомнить историю, произошедшую с ним еще в школьные годы. Влюбленный мальчик, «набравшись отчаянной храбрости» [2, с. 121], пишет записку однокласснице. В 60-е гг. XX в. для китайского подростка это поступок, выходящий за рамки приличного. Юноша жестоко наказан в семье, опозорен в обществе. И лишь с наступлением «культурной революции» у него появляется «возможность излить всю месть и ярость» [2, с. 121]. Подросток не отдает себе отчета в том, что делает. Он подвергается влиянию движения хунвейбинов, становится одним из них. По его требованию девочка должна была всю зиму поддерживать никому не нужный лед на катке, ежедневно поливая его водой из лейки, при этом пользоваться перчатками юноша ей не разрешает. В итоге любимая девочка остается без обеих кистей рук. Когда угасает ажиотаж хунвейбинов, герой не сразу осознает, к чему привело его неразумное поведение. Он никак не реагирует на новость, что предательство было не со стороны девочки, а со стороны ее лучшей подруги. Для него предательство, жестокость, неоправданная злоба становятся нормой жизни. Но новость о физических страданиях одноклассницы его задевает. Герой рассказа — жестянщик, он имеет власть над прочной жостью, но в умелых руках при определенных обстоятельствах и эта прочная, крепкая жость изменяется. Так же, как и он сам, — принципиальный хунвейбин, который приобретает способность нести ответственность за собственные поступки. Жестянщик начинает ждать ответной мести: «Он постоянно ждал наступления “дня искупления своей вины”» [2, с. 122]. Спустя годы, пережив многое, но, не получив в жизни ничего, кроме мечты о доме с фасадом для витрины, герой понимает, насколько ужасным и безосновательным был его поступок. «Все в жизни взаимосвязано» [2, с. 123], — пишет Сяошэн. Как когда-то жестянщик непонятно и глупо изводил одноклассницу, так же непонятно и мучительно теперь для него поведение родных этой девушки. Но эти люди не наказывают героя, он сам себя наказывает: «Психологически жестянщик уже был готов ко всему, он ждал того момента, когда будет опозорен, когда будет отомщен» [2, с. 123]. Вся жизнь понадобилась для того, чтобы почувствовать ответственность за содеянное. Жестянщик получает письмо от любимой когда-то одноклассницы, а вместе с ним «два листа бумаги, вырванные из тетради, запоздало передававшие чувства неожиданной радости и счастья девушки, которую полюбили» [2, с. 123]. Он плачет, и эти слезы становятся тем очищением, освобождением, которое было так необходимо всю жизнь. Рассказ заканчивается описанием майского утра, в котором нет угрызений совести, нет ожидания мести, а лишь мелодично позванивают «декоративные тыквы, сделанные из белой жести» [2, с. 123]. В китайской культуре тыквы — символ мудрости. Осознание личной ответственности за свои поступки и приводит старого жестянщика к обретению жизненной мудрости.

Рассказы «Женя Касаткин» и «Лейка» имеют ряд общих черт. События, которые влияют на развитие чувства ответственности, служат толчком для его формирования, происходят в детстве или подростковом возрасте главных героев. При этом сами события анализируются уже зрелыми личностями, людьми, имеющими определенный жизненный опыт и сформированную систему ценностей. Они сопоставляют поступки, совершенные когда-то давно, с теми принципами, которых придерживаются сейчас. В двух рассказах главные герои — школьники, люди, которые живут по одинаковым правилам. Поведенческая реакция одноклассника — это своеобразное отражение собственных взглядов. В итоге так и получается: обидев одноклассника, герои мучаются сами. Также в рассказах встречается одинаковый образ-символ — лед, ледяная вода. Для крупинского героя ледяная вода — это признак весны, обновления. Такое обновление происходит в сердце мальчика, после смерти Жени: он по-другому смотрит на мир, он начинает осознавать личную ответственность за происходящие рядом вещи. Для героя Сяошэна лед — это символ бездушности, холодности сердца. Для одноклассницы лед — это скорее традиционный китайский символ «пин», который связывают с детским благочестием, послушанием. Еще один образ — слезы. Плачет Колька, самый старший из одноклассников Жени, и плачет жестянщик, узнав всю правду давно прошедшей истории. Колька оплакивает умершего Касаткина, жестянщик — умершего в себе страдальца. Рассказчик Крупина не плачет, он еще не осознает, что происходит на самом деле, его опыта, в отличие от старшего Кольки, еще не хватает. Для жестянщика слезы над письмом — это слезы очищения, освобождения мятущейся души.

На примере рассказов В. Крупина «Женя Касаткин» и Л. Сяошэна «Лейка» мы видим, что проблема ответственности личности за свои поступки является актуальной для всех людей, независимо от культурных традиций, уровня образованности, материального благополучия.

Литература

1. Крупин, В. Н. Избранное: в 2 т. / В. Н. Крупин. — М.: Мол. гвардия, 1991. — Т. 2. — 559 с.
2. Сяошэн, Л. Лейка / Л. Сяошэн // Всемирная литература. — 2002. — № 2. — С. 117–123.

Людмила Толчикова (Гомель)

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ БЫТИЯ В ПОЭЗИИ И. ЖУРБИНА

Игорь Викторович Журбин (1962–2008) — многогранная личность: поэт, режиссер, журналист, актер, музыкант, чья творческая деятельность тесно связана с Гомельской землей. Он родился 31 января 1962 г. в г. Махачкала Дагестанской АССР в семье военнослужащего. Учился в гомельской средней школе, закончил режиссерское отделение Минского государственного института культуры. Работал в СМИ. Последние годы своей жизни работал обозревателем отдела новостей областной газеты «Гомельская правда». Стихи Журбина печатались во многих литературных сборниках и альманахах. В 1991 г. подборка его стихов была опубликована в первой советской «Антологии русского верлибра». Журбин был солистом и автором текстов песен ансамбля